

ЗА РОДИНУ

№ 142 (542)

Четверг, 29-го июня 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную Русскую Почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Подписка принимается во всех почтовых отделениях по месту жительства. Плата за подписку — 12 руб. в месяц. Деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) посылать почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Организация русской молодежи

А. Москвин

Ни у кого так не развито чувство товарищества, как у молодежи. Никто столь остро не нуждается в корпорации, организации, как молодежь.

Поэтому, у всех народов и во все времена молодежные объединения осуществлялись под педагогическим и воспитательным контролем зрелых общественных, государственных и политических деятелей, представлявших национальные интересы своей страны.

В России, к сожалению, до последнего предреволюционного времени, вопросом организации и воспитания молодежи в широком смысле этого слова занимались мало, что в немалой степени объясняет революционное настроение российской молодежи, легко подкупленной в свое время демагогическими лозунгами большевиков.

Последним, за небольшим исключением, не пришлось даже перевоспитывать молодежь; они сразу принялись за воспитание ее в духе интернационала и революционной жертвенности.

Однако, если большевикам удалось в конце концов террором зажать рот значительной части взрослого населения, то с молодежью, так называемой «сменой», большевикам пришлось познакомиться больше и дольше. И не с какой-нибудь контрреволюционной, а со своей собственной. Среди молодежи реже встречаются кривошеи и лицемеры, чем у взрослых, в большей или меньшей мере искусственных противоречиях и надломленных жизнью.

Молодежь по природе своей искренней и откровенной. С той же искренностью, с какой молодежь откликнулась на идеалистические призывы большевиков, она восставала против неизбежно обнаруживавшегося изумления «генеральной линии».

В период партийных дискуссий, когда Сталин путем излюбленного своего средства — интриги, склоки и наускивания последовательно уничтожал своих политических оппонентов, — Комсомол представлял из себя кипищий котел. Утверждение «политического равновесия» в партии сочеталось с подлинным разгромом Комсомола, который в дальнейшем, из объединения обманутых идеалистов вырос в тусклый регистрационный стол — нечто вроде профсоюза, куда молодежь вступала уже не по идейным побуждениям, а по житейской необходимости. Вступала замкнутая, критически настроенная по отношению к большевицким лозунгам, а нередко и прямо — враждебная.

Создалось парадоксальное положение, благодаря которому перевесились из Комсомола в партию было во много раз труднее, чем вступить в партию, минуя Комсомол.

Комсомольцы особенно и не стремились в партию, а партия боялась «свободомыслящей» молодежи, боялась Комсомола и не доверяла ему.

Таким образом, к началу войны, дезориентированная, духовно обворованная и неудовлетворенная в законных требованиях юности русская молодежь представляла из себя значительно менее «испорченный» продукт советского идеологического воспитания, чем это многим кажется. Попав на нашу сторону, она неизменно обнаруживает волю к правильному и здоровому воспитанию. И учтя это, германские власти решили создать русские юношеские организации, открывающие нашей русской молодежи такие возможности, каких она была совершенно лишена прежде. Русские юноши, включенные в эти объединения, будут во всем уравниваться с германской гитлеровской молодежью. Вместе с тем первой задачей русских организаций будет воспитание в своих юных питомцах национальных достоинств, долга и любви к Родине.

В ближайшее время начнется набор в эти организации. Излишне говорить о том, какое колоссальное значение имеют они для будущего нашего Отечества, но в скором времени, когда план организации молодежных объединений будет окончательно завершен, мы к этому вопросу вернемся снова.

Продолжаются тяжёлые бои на обоих фронтах

Непрерывный огонь „В № 1“ по Лондону. Оставлены Витебск и Орша. Опорные пункты Шербурга продолжают сопротивляться

Ставка Фюрера, 28 июня.

Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

Центр тяжести боев в Нормандии продолжает находиться юго-восточнее Гилли. В продолжении всего дня крупные соединения неприятельской пехоты и танков, поддерживаемые тяжелой артиллерией, атаковали германские позиции. Однако, все атаки врага разбиты об упорное сопротивление германских дивизий, которые контрударом в некоторых пунктах снова отеснили противника и заняли потерянную за последние дни территорию. Лишь на одном участке неприятелю, после ожесточенных боев с переменным успехом, удалось добиться незначительного расширения своего вклинения. Враг понес большие потери. Уничтожено более 50 неприятельских танков. Восточнее реки Орн совершенно уничтожена одна ударная группа противника.

В районе Шербурга многочисленные опорные пункты германской армии, военно-морского флота и авиации, продолжают героическую оборону. Ввиду этого вход в шербургский порт не может быть еще использован противником, несмотря на то, что развалины города и находятся в его руках. Германские опорные пункты в северо-восточной и северо-западной части Шербургского полуострова тоже продолжают еще сопротивляться.

Прошлой ночью германские тяжелые бомбардировщики подвергли нападению скопления вражеских судов у нормандского побережья, причем было подожжено специальное десантное судно врага. Произошло много взрывов.

Береговая батарея германского военно-морского флота «Юрк» принудила один неприятельский эсминец к соединению вражеских быстроходных катеров, пытавшихся проникнуть в шербургский порт, уйти в открытое море.

У побережья Голландии и в Ламанше сторожевые суда германского военно-морского флота повредили целый ряд английских быстроходных катеров.

Район Лондона продолжает находиться под интенсивным огнем «В № 1».

На итальянском фронте на участке между морским побережьем и Трансильским озером вчера продолжалось ожесточенное сражение. Противник, при помощи крупных пехотных и танковых сил, снова пытался прорвать линию германской обороны, в результате чего развилась тяжелая бой, протекавшая с переменным успехом. Однако, только на самом западном участке неприятелю удалось занять новую территорию. На всех других участках его атаки были отражены. Враг понес огромные потери.

На среднем участке восточного фронта, в районе Бобруйска и Могилева, продолжаются ожесточенные бои. После того, как были оставлены города Орша и Витебск, тяжелое сражение переместилось в район восточнее верхнего и среднего течения Березины.

Юго-восточнее Полоцка отражены повторные попытки врага прорвать линию германской обороны. Юго-восточнее Пскова атаки противника, носившие местный характер, успеха не имели.

Германская штурмовая авиация успешно поддерживала оборону наземных войск и уничтожила большое количество вражеских танков, более ста грузовых машин и много орудий.

Тяжелые германские бомбардировщики произвели дневной налет на железнодорожную станцию Калиновичи. Ночью продолжались успешные воздушные налеты на пути снабжения врага, причем особенно пострадали железнодорожные сооружения Смоленска, где вспыхнули пожары и произошли взрывы.

Вчера вечером и в течение ночи при повторных налетах вражеской авиации на город и гавань Киркенез, германские истребители и зенитная артиллерия сбили 77 неприятельских самолетов.

Крупное соединение американских бомбардировщиков вчера перед полуднем про-

Выигранное время

Бои за Шербург и их значение

Героическая борьба германского гарнизона крепости Шербург продолжается. В течение двух дней англо-американское командование, повидимому, желая избежать собственных потерь, четыре раза предлагало немцам капитулировать, однако, ответом каждый раз было только молчание. Когда после этого американцы снова переходили в атаку, их встречал ожесточенный германский огонь.

Некоторые германские гнезда сопротивления, как, например, арсенал и несколько тяжелых береговых батарей, продолжают стойко держаться. Однако, и в центре города американцы отнюдь не являются господами положения. Там еще держится много немецких гнезд сопротивления, и американцы несут там такие потери, что им нередко, так же, как это было в свое время у Кассино, приходится просить передышки для уборки убитых и раненых.

После того, как немецкие опорные пункты в районе морского вокзала расстреляли свою последнюю гранату и при помощи холодного оружия и средств рукопашного боя отбили несколько атак пехотных и танковых сил противника, американцам удалось овладеть этой частью города.

Подходы к порту с моря, тем не менее, закрыты для них германскими заградительными батареями.

Крупные соединенные силы англо-американского флота, в составе которого было много линейных кораблей, тяжелых и легких крейсеров, предприняли попытку форсировать крепость Шербург с моря. Однако, после трехчасовой ожесточенной артиллерийской дуэли, во время которой немецкие опорные пункты «Гамбург» и «Юрк» потопили два тяжелых крейсера и один легкий, а также тяжело повредили ряд других, неприятельский флот, под покровом искусственного тумана, удалился и больше своих попыток форсировать крепость не повторил.

Аэродром, расположенный в восточной части города, успешно обороняется гер-

манскими авиационными частями. Западнее Шербурга попрежнему держится система германских опорных пунктов, господствующая над обширной территорией. Тяжелое оружие, которое американцы бросили в бой на эту систему, ввиду крупных потерь, понесенных в самом Шербурге, они снова отвели в восточную часть города.

Как известно из приказа, найденного в штабе седьмого американского армейского корпуса, генерал Монтегери предполагал овладеть Шербургом не позже, как на четвертый день после начала вторжения. Теперь же борьба за крепость продолжается уже три недели. В нынешней войне имеются фазы оперативного и стратегического положения, когда даже короткий выигрыш времени или соответствующий проигрыш на другой стороне может иметь необычайно важное значение. Подобная фаза наблюдается теперь, и в первую очередь это относится к городу и порту Шербургу.

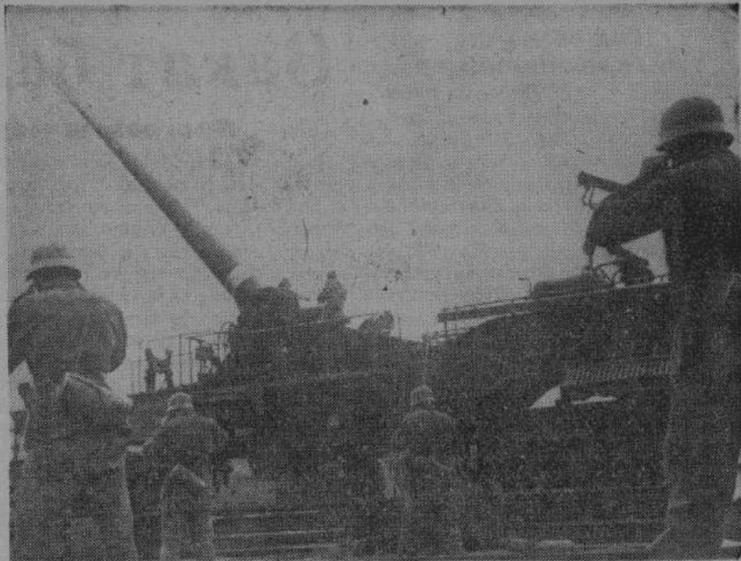
Преждевременное овладение крепостью англо-американцами могло иметь решающее значение для всего хода вторжения. Теперь, три недели после начала операций, противник далеко не будет иметь такой возможности воспользоваться этим портом, так как немцы имели вполне достаточ-

Контроль полета „В № 1“

Берлин, 28 июня.

За последние двадцать четыре часа применение секретного немецкого оружия «В № 1» усилилось. Значительно повысилась меткость обстрела.

Последнее объясняется, повидимому, тем, что расчеты нового секретного оружия дают возможность корректировать траекторию полета снаряда. При этом, имеется также автоматический контрольный аппарат, который точно регистрирует на полоске бумаги траекторию летящей бомбы и указывает высоту и скорость ее полета. Контрольный аппа-

Германская тяжелая батарея на берегу Ламанша

Германия окажет помощь Финляндии

Берлин, 28 июня.

Германский рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп нанес визит руководителям финляндского правительства.

Во время этого посещения обсуждались вопросы, касающиеся Германии и Финляндии, и, в первую очередь, высказанное Финляндией желание военной помощи со стороны Германии. Германское правительство уже дало свое согласие финскому правитель-

ству оказать надлежащую военную помощь Финляндии.

Переговоры, ведшиеся между рейхсминистром с одной стороны, президентом Финляндии Рюти и министром иностранных дел Рамзасом, с другой, — протекали в атмосфере дружбы и доверия обоих народов.

По всем вопросам достигнуто полное соглашение германского и финского правительств.

Непоколебимость финнов

Гельсинки, 28 июня.

Одна из крупнейших финских газет «Аян Суунта» в передовой статье пишет о нынешнем военном и политическом положении Финляндии:

«Трезво взвешивая победы и потери нынешних боев на Карельском фронте, — пишет газета, — Финляндия не видит повода к беспокойству. Территориальные потери в Карелии, правда, болезненны, но они лишь временны и их ценю, благодаря умелой тактике, полностью сохранена боевая сила финской армии. Большевики до-

рого заплатили за свое наступление, но достигли лишь временных успехов, которые будут сведены на нет. Финляндия теперь, как и во время зимней кампании тридцать девятого-сорокового года, находится в условиях, при которых она лишь непоколебимой борьбой может сохранить свое существование. Ни финская армия, ни финский народ никогда не откажутся от своих прав».

Советские потери на Карельском перешейке

Гельсинки, 28 июня.

Как сообщает командование финской армии, советские войска, при поддержке танковых сил, продолжают вести атаки на Карельском перешейке, причем в одном месте им удалось вклиниться в финские позиции. Вклинение это преграждено контратакой, ожесточенные бои продолжаются.

Сильные бои ведутся также севернее Гейниоки, где отражены попытки советских танков прорвать финский фронт. Уничтожено четыре советских танка.

На перешейке Аунуса продолжается натиск противника у побережья Ладожского озера.

Финские бомбардировщики и германские пикирующие самолеты и истребители атаковали скопления неприятельских танков и войск, а также коммуникации противника. Пикирующие бомбардировщики уничтожили сорок три советских танка. Финская и германская противовоздушная оборона сбила три наблюдательных воздушных шара и двадцать девять самолетов противника.

На восточном фронте

Берлин, 28 июня.

Советское командование на среднем участке фронта, по всей видимости, хочет, с помощью быстроходных танковых и моторизованных соединений, совершить обходный маневр крупного масштаба.

Как южный наступательный клин, центр которого находится у Бобруйска, так и северная советская ударная группа, продвигающаяся из района Витебска с общим направлением на юго-запад, повидимому, направлены на Минск, с целью отрезать находя-

щимся здесь немецким силам пути на запад.

Советский натиск на Бобруйск усилился, немецкие позиции в нескольких местах оттянуты назад. Все попытки прорыва на Бобруйск германскими войсками отбиты к югу от города. У Могилева передовые позиции оттянуты на окраину города, после чего соседние части также заняли позиции на берегу Днепра.

Германский гарнизон Витебска пробил кольцо окружения, созданное крупными советскими танковыми и моторизованными частями к западу от города. Германские войска ведут здесь наступление обратным фронтом против особых советских соединений, снабженных тяжелым оружием. Германские войска заградительных позиций, восточнее Полоцка, отбили попытки врага продвинуться на запад. Юго-восточнее Пскова германские части предприняли контроперацию, во время которой ликвидировали большевицкое вклинение, образовавшееся в предыдущие дни.

Советские войска несут огромные потери. Отмечены случаи, когда советские части в атаках теряли от семидесяти до восьмидесяти процентов личного состава.

Переселение ингерманландцев

Ревель, 28 июня.

На днях в одном из портов Эстонии торжественно завершилась крупная операция по переселению шестидесяти тысяч ингерманландцев. Эти люди, родственные в этнографическом отношении финнам и карелам, жили прежде под Ленинградом. Когда прошлой зимой началось советское наступление, ингерманландцы обратились к германскому командованию с просьбой спасти их от приближавшихся большевиков и вывезти в Финляндию. Ввиду трудностей зимнего времени ингерманландцы сперва были доставлены в Эстонию, а оттуда постепенно морским путем перевезены в Финляндию, где их приняли весьма радушно. В день отъезда последних двухсот человек в порту состоялся торжество, на которых генерал-комиссар Эстонии выразил свою признательность германским, финским и эстонским учреждениям, а делегат Финляндии выразил благодарность финского правительства за возвращение ингерманландцев в лоно родной земли.

Англия отказывается от американских фильмов

Стокгольм, 28 июня.

Американский фильм, рисующий ужасы воздушного террора, несмотря на грандиозную рекламу, не пошел в Англию.

По словам рекламы в этом фильме показано действие американских бомб, оставляющих воронку до шести метров глубиной.

В редакционном отзыве английского журнала «Дейли Скетч» американцев приглашают приехать самим в южную Англию и убедиться собственными глазами, какой величины воронки оставляют разрывы нового германского оружия «В № 1».

Тринадцать дней во вражеском тылу

Удачный побег четырех немецких летчиков

Стрелки одной германской полевой авиационной дивизии, сражающейся у Пскова, ночью заметили тени нескольких человек, приближавшихся к их окопам. Когда они открыли огонь, то услышали возгласы на чистом немецком языке: «Не стреляйте, здесь немецкие солдаты»... Стрелки прекратили огонь и пропустили в окоп четырех человек, оказавшихся немецкими летчиками, стартовавшими за тринадцать дней до этого в бомбардировочный полет на советские железнодорожные узлы. Самолет немецких летчиков был подбит советской зенитной артиллерией, но летчики в последнюю минуту успели выпрыгнуть на парашютах глубоко в советском тылу. Без карты и продовольствия, лишь с помощью компаса, летчики решили пробиться обратно к своим линиям. По пути им пришлось пробираться через болота, реки и густые леса. Днем они спали, часто промокая

Закат балтийского флота СССР

Программа морского строительства осталась лишь на бумаге

Начиная с середины мая оживилась деятельность советского флота в восточной части Финского залива. За последний месяц свыше дюжины советских сторожевых и быстроходных катеров было потоплено германскими флотом и авиацией. Однако, из этого не следует делать вывода, что с перемещением фронта от Ленинграда к Нарве и оживлением деятельности советского балтийского флота последний стал значительным фактором в военных действиях северной части восточного фронта.

Прежде всего, пространство, на котором оперирует теперь советский флот, крайне ограничено и немногим лишь больше того пространства, каким располагал советский флот два с половиной года тому назад, когда германские войска стояли перед Кронштадтом и у ворот Ленинграда. Правда, в настоящее время большевики могут пользоваться Копорской и Лужской бухтами, находящимися в последние годы в германских руках. Это дает им возможность отправлять морским путем транспорты на Нарвский фронт. В Нарвской бухте у Меркуэла большевики предприняли было попытку ранней весной этого года совершить высадку в тылу германских войск. Однако, эта высадка закончилась разгромом превосходно вооруженного десантного отряда. Всякая же попытка советских быстроходных катеров напасть в Нарвской бухте на германские сторожевые суда заканчивалась неудачей из-за действия береговой артиллерии и легких единиц германского военного флота.

Напротив, нападения германских быстроходных катеров на советские

сторожевые катера и тралячки обычно увенчивались успехом и заканчивались потоплением советских транспортных судов.

Все эти неудачи большевиков в водах Финского залива объясняются крайним ослаблением их балтийского флота. Помимо подводных лодок балтийский флот потерял в последние годы два крейсера, один минный крейсер, одиннадцать истребителей и целый ряд более мелких судов; кроме того, один броненосец получил весьма солидное повреждение.

Совсем иным было положение в 1941 году, в первые дни войны. Тогда балтийский флот большевиков располагал значительным количеством подводных и надводных судов, а также имел в своем распоряжении открытое море вплоть до Либавы. Кроме того, на Петроградских верфях заканчивалась постройка больших судов, в том числе броненосца «Советский Союз» водоизмещением в 45 тысяч тонн. Когда германские дальнобойные орудия стали обстреливать Ленинград, постройка этого броненосца прекратилась, броневые плиты были разобраны и переданы заводу, выпускающим броневые автомобили и поезда. На верфях имени Марти строился первый советский авианосец, к июню 1941 года уже был готов осто восточного авианосца.

Большевицкая расправа в Хоросткове

Львов, 27 июня.

Спасаясь от большевиков шестидесятилетняя украинка Галина Млечко рассказывает о большевицкой расправе в восточно-галицийском поселке Хоростково:

— С приходом большевиков в Хоросткове начался массовый террор. По еврейским доносам было арестовано сто девяносто местных жителей, в том числе женщины и дети. Все арестованные содержались в помещении сельского училища. Их пища состояла из жидкой баланды один раз в день. Баланду варили из пищевых отходов, в результате чего много женщин и детей умерли от отравления.

Для того, чтобы исполнить смертный приговор «предателям, родины всех трудящихся», на рыночной площади воздвигли десять виселиц. Сорок истощенных от голода заключенных, скованных попарно, были выведены на площадь. Несчастные были покрыты лохмотьями и еле держались на ногах. В числе их находился также муж Галины Млечко. Состоялось всенародное массовое убийство. Четыре раза палачи вздергивали на виселицы свои несчастные жертвы. Последние десять казненных остались

висеть для устрашения оставшихся в живых жителей села. Толпу родственников, рыдавших у места гибели своих близких, энкаведисты разогнали прикладами. Потрясенная Галина Млечко поспешила скрыться от дальнейшей расправы и, прибыв во Львов, рассказала о своих переживаниях.

ПОСЛЕ МУЧИТЕЛЬНЫХ РОДОВ

«Счастливым» папаша: — Ну, особенных надежд мне этот второй фронт не внушает!...

Социалистическая арифметика

Советская статистика — явление незаурядное. Сказать, что она не в ладах с арифметикой, никак нельзя. Советская власть, как и все и все вообще в СССР, арифметику поро терроризировала.

И если бы арифметика, старая буржуазная арифметика посмела утверждать и стала бы настаивать на том, что дважды два четыре, — к ней бы применили высшую меру социальной защиты. Только и всего.

Но арифметика оказалась хитрее; в ожидании лучших времен она «перестроилась» и умножает достижения большевиков по совершенно новой таблице — «социалистической».

Отсюда и ее дружба с советской статистикой. Отсюда и доверие к ее лояльности. Даже в 1935 году, когда после переписи населения СССР, в последнем оказалось всего лишь 123 миллиона счастливых жителей, то растерялись не арифметику, а руководителя переписи, ибо именно они, эти враги ста двадцати трех миллионов, ввели арифметику в заблуждение тем, что не развешивали ей своевременно насущных задач партии и правительства, а не наоборот.

С тех пор и по настоящее время социалистическая арифметика, вкупе с советской статистикой, не торопится делать выводы до ясных и четких указаний товарища Сталина.

Однако, и тут случается конфуз; не по вине арифметики, а так сказать, мягко выражаясь, по неосторожеству самого товарища Сталина. У него давно уже наблюдаются резкие арифметические колебания, зависящие от того, перед кем он демонстрирует достижения советской статистики.

Так, например, совсем недавно, подчитывая успехи трехлетней войны, большевики сообщали, что советский Союз потерял на фронте пять миллионов триста тысяч человек. А на тегеранской конференции сам товарищ Сталин клялся, что потери Красной армии составляют двадцать миллионов человек.

Таким образом, если верить советской статистике, то за неполный год, последовавший за тегеранской конференцией, потери СССР уменьшились на пятнадцать миллионов.

Это ли не достижение? Однако, при всем уважении к «социалистической арифметике», мы в данном случае склонны верить больше Сталину. Его данные почти совпадают с нашими подсчетами, согласно которым видно, что резервы большевиков на исходе и воевать за советскую власть скоро придется самим евреям.

Н. СОБАКИН.

В советском тылу

В кругах московской общественности стало известно, что ЦК ВКП(б) поручил специальной комиссии начать подготовку к изданию новой советской энциклопедии, которая должна заменить большую и малую советские энциклопедии, изданные несколько лет назад.

Одновременно ЦК ВКП(б) предложил строго ограничить круг лиц, пользующихся в библиотеках старыми изданиями большой и малой энциклопедии.

Партийное руководство ставропольщины проводит сейчас усиленную кампанию по подготовке колхозников к тому, что в этом году вся уборка урожая будет происходить вручную. При этом партийные органы открыто сознаются в том, что во всей ставропольщине в настоящее время нет ни одной функционирующей МТС из-за полного отсутствия кадров.

Елизавета Улацкая

САТАНИСТЫ XX ВЕКА

(Продолжение 27-ое)

— Я очень счастлива, слыша эти слова от вас, Рудольф...

Ольга взглянула на профессора с нескрываемой нежностью.

— Я так боялась, что наука, особенно протестантская, создает неверие, или по крайней мере, пренебрежение к нашей православной вере, с ее поклонением Богоматери, со всем тем, в чем находят отраду сотни миллионов верующих православных... Я очень счастлива, видя ваше отношение к религии вообще, и к моей русской церкви — в частности...

— Ольга, великая и настоящая наука не только не противоречит религии, — но подтверждает ее. Это так верно, что когда мы с Менцертом были в Париже у Ренана, то он согласился с нами.

— Ренан?... Этот безбожник, отвергающий Спасителя? — с негодованием и с недоумением вскрикнула Ольга.

Профессор улыбнулся.

— Ренан последних лет не тот, каким был в начале своей карьеры. Прочтите его «Историю израильского народа» и вы найдете на последней странице признание божественности Христа, которую он отвергал в своей первой книге «Жизнь Иисуса». Но такова сила влияния масонства, что кощунственная книга известна всему миру, а страницы, опровергающие ее, неизвестны... Если бы вы еще сомневались в могуществе масонов, то припомните этот пример и не смейтесь больше над опасностью, угрожа-

ющей всему христианскому миру. Вспомните, что уже более ста лет Европа читает только то, что угодно масонам; молодые поколения христиан воспитываются в поклонении тайным обществам, карбонариям, иллюминатам, розенкрейцерам и так далее... без конца. Даже всемирную историю подделывают, превращая чернокнижников и сатанистов-темплиеров в мучеников, короля же и папу, спасших христианство от слуг антихриста, — в злодеев. Вспомните, Ольга, в каком духе написаны известнейшие и популярнейшие руководства всемирной истории Шлессера, Ранке и так далее. С каждой страницы так и пышет ненависть к монархизму, патриотизму и... христианству. С начала XIX века всех заговорщиков и революционеров открыто прославляют популярнейшие писатели Европы: Виктор Гюго, Жорж Занд, Бальзак, Дюма-отец, Эжен Сю, Понсон дю Терайль и Густав Эмар, иногда даже не подозревая, что они служили целям масонов, стремившихся погубить их родину... Это ли не доказательство силы масонства. И страшней всего, что никто не замечает этого. Вот почему я и не решаюсь опубликовать вторую часть моей истории тамплиеров. Слишком рано... Ее похоронят под гнетом молчания, как похоронили много других книг, написанных против масонов. Именно поэтому я и прошу вас не печатать рукопись Менцера, а передать ее германскому императору. Если она

убедит только одного этого человека, то цель моего несчастного друга будет достигнута и христианство — спасено.

Ольга на минуту задумалась.

— Вы правы, друг мой. Теперь я и сама думаю, что Провидение привело меня в Берлин, чтобы помочь вам в этом великом деле. Император так милостив ко мне, что я не сомневаюсь в том, что он примет от меня рукопись хоть завтра.

Профессор вздрогнул.

— О нет, Ольга, ради Бога, не так

Если вам нужен будет защитник, то обращайтесь ко мне...

скоро... Вы не знаете, какой страшной машины вы собираетесь коснуться. Одно подозрение о существовании откровенных признаний масона 33-ей

степени будет смертным приговором вам и мне, и всякому, подозреваемому в том, что он знает содержание подобных признаний. Мне же хочется пожить еще немного и быть счастливым, если... можно... Простите мне этот эгоизм, ради моей... любви к вам. Вот, если со мной случится несчастье, тогда другое дело...

— Не накликайте беды, Рудольф, — проговорила Ольга. — Я не хочу слушать мрачных предчувствий. Лучше скажите мне, как вы могли спрятать эту страшную рукопись от масонских шпионов?

— Не беспокойтесь, Ольга. Рукопись Менцера сможете найти только вы, вместе с моим отцом, которого я предупредил уже, оставив ему нужные указания. Но не спрашивайте меня об этом... Забудьте покуда эту страшную тайну. Мне не хочется думать о ней теперь, когда я смею надеяться...

Рудольф замаялся, не решаясь договорить слов надежды, проснувшейся в его душе.

Но Ольга прочла его мысль в полном любви взгляде и, подняв на него глаза, медленно и спокойно проговорила, протягивая ему руку:

— Надежда — счастье семейной жизни? Не так ли, друг мой?

Красивое лицо молодого ученого просияло.

— Ольга... обещайте мне постараться полюбить меня хоть немного...

— Я скажу вам больше этого, друг мой, — тихо ответила Ольга. — Но дайте мне время привыкнуть к мысли о многом... Хотя бы о потере свободы, бывшей до сих пор милей всего необузданной дочери южных степей...

Прошу вас, подождите. Не очень долго... пока я сама скажу вам... когда наша свадьба...

На следующий день Ольга вечером играла во второй раз «Жанну д'Арк». Во время спектакля, во втором акте император заехал в театр на минуту, как делал не редко, и придя за кулисы, заговорил с Ольгой.

— А я нечто слышал о вас, прекрасная Жанна д'Арк! — начал он с милостивой улыбкой. — Русский посол, у которого я только что обедал, сообщил мне романтическую историю молодой жены старого генерала, ухаживавшей так самоотверженно за больным мужем, умиравшим из-за другой женщины...

Забывая этикет, Ольга перебила императора:

— Ради Бога, Ваше Величество, не превращайте в заслугу простое исполнение долга.

Император улыбнулся.

— Вы всегда судите здраво, честно и бескорыстно. Это хорошо... но редко. Если когда-нибудь вам нужен будет защитник, то прошу вас обратиться ко мне, графиня.

Ольга вздрогнула.

Такой удобный случай мог никогда больше не представиться. Император так милостив сегодня. Рассказать ему историю о рукописи Менцера?...

Но какое-то необъяснимое чувство удержало Ольгу от полной откровенности, и она сказала только часть того, что хотела.

— Разрешите мне немедленно просить у вашего императорского величества милости...

Император с удивлением взглянул на прелестное серьезное личико Жанны д'Арк.

— Говорите, графиня. Прошу вас.

— В таком случае я прошу Ваше Величество обещать мне принять от меня и прочесть небольшую рукопись, о которой я была бы счастлива узнать мнение императора.

(Продолжение следует)

Неудачная Карьера

Рассказ военнопленного

Комсомолец Колька Старцев все время отбивал от службы в Красной армии. В начале войны он поступил на службу в милицию и полгода расхаживал в милицманской форме. Но из милиции его скоро вышибли за пьянку.

Однако, и на этот раз Колька Старцев не растерялся, устроился токарем на военный завод и получил бро-

В. Басмуров.

ню. Здоровенный, двадцатилетний парень расхаживал по городу, когда уже мобилизовали в армию стариков, и в кругу приятелей хвастал, что только дураки идут на фронт, а для умного человека и в тылу работа найдется. Когда на заводе стали организовываться фронтовые бригады, началось массовое сокращение рабочих: вместо 15—20 человек в бригадах оставалось по 8—10 рабочих, преимущественно женщин, остальных отправляли на фронт. Изо всех сил старался Колька, чтобы и его не высвободили с завода: стал активистом, был старостой в кружке текущей политики, был в комиссии по реализации займов. Но с завода его все-таки выперли — рабочий он был плохой и стахановские нормы не выполнял, а тут, как на грех, еще наделал брака.

И быть бы Кольке на фронте, да нашел он опять себе зацепку. В райком комсомола пришли путевки в Ростовскую духовную семинарию. Охотников пойти в семинарии нашлось немного. Старцев же, пронохав, что из семинарии на фронт не берут, согласился испытать счастья в духовной карьере и выехал с путевкой райкома в Ростов - Ярославский.

В Ростове выпуск священников был ускоренный. Колька Старцев считался примерным семинаристом. Он гонимый все посты, выстаивал все службы и всегда первым подходил к кресту. Перед самым выпуском Старцев уз-

нал, что всех только что выпущенных священников, если они призывного возраста, направят в действующую Красную армию полковыми священниками. Он же рассчитывал, что получит приход в каком-нибудь селе и уже нашел себе матушку, машинистку Верочку из райкома, однако, в села направляли только прошедших краткосрочные курсы дьячков и псаломщиков.

Колька на фронт, хоть и священником, ехать не хотел. Как-то после службы он со своим приятелем семинаристом Пастушенко остались после службы в церкви и выпили все церковное вино и сожрали просфоры. Они рассчитывали, что за это их уволят из семинарии, и тогда они избавятся от службы в армии. Но, выпив все вино, они избили советского законоучителя, назначенного на эту должность «особым отделом», что в их расчеты не входило.

Своего они, конечно, добились. Из семинарии их исключили, но попали они не на гражданскую службу, а в штрафной батальон.

РАССКАЗЫВАЕТ свидетели большевизма

То, что не забывается

Много страшного пришлось нам увидеть на нашем веку. Многие уже забылось. Но вот один день, даже один час — забыть невозможно.

Это было в станице Пашковской под Краснодаром в сентябре—октябре 1929 года.

Как обычно утром сели в трамвай, чтобы ехать в город. Отъехав один квартал, трамвай остановился. На вопросы: что случилось? — кондуктор и вагоновожатый с суровыми лицами, молча кивают неопределенно, куда-то вперед.

Смотрим, из боковой улицы выезжают какие-то подводы, а за ними идет толпа людей, окруженных красноармейцами с винтовками и револьверами. Арестованные? Но на подводах сидят старухи с детьми. Лежат узелки, мешочки. Сзади мужчины, женщины, молодежь. В обычной рабочей одежде. Не поднимая глаз, не произнося ни звука, сурово шагают за подводами. Ни слез, ни ропота, ни недоумения, а какая-то убежденная суровость исходила от этой толпы, как будто бы им открылась какая-то необычайная истина, какой другие еще не знают. Было их, приблизительно, человек 200-250 взрослых.

Из дворов выходили станичане и... тоже молчали. Снимали шапки, крестились и низко кланялись проходившим. Те слегка наклоняли головы, не поворачивая их, не отвечая ни словом, ни взглядом.

И так было, пока не прошли все. Вагон медленно поехал вслед этому страшному и ужасному шествию. В вагоне тоже все молчали, подавленные каким-то величием, исходящим от этой молчаливой толпы, где даже грудные младенцы не подавали голоса.

Только после того, как эта процессия, свернув в боковую улицу, скрылась из глаз — только тогда в вагоне раздались кое-где вздохи и приглушенные рыдания. Кое-кто шопотом, поминутно оглядываясь, сообщал соседям, что сегодня ночью из соседней «хутора позабирали усих до кореню».

Это были первые «спецпереселенцы» на Кубани. Потом такие толпы примелькались и не производили столь ошеломляющего впечатления. Каждый станичник ждал, что вот-вот и он так же пойдет неизвестно куда с родного двора.

О. Кравич.

ходную аптеку и потом в корчах катался по земле. Если бы он вздумал пенять в своем несчастье на медицину, он был бы неправ.

Педагогические теории, соблазненные Луначарского, вовсе не имели в Америке широкого распространения. Они применялись в немногих школах, находившихся в руках высококвалифицированных и чрезвычайно талантливых педагогов. Да и состав учащихся в этих школах был зачастую весьма здоровым. Рядовой учитель мог с интересом следить за деятельностью учителей новаторов и, в некоторой степени, считаться с ними. Но ни о широком подражании этим новым методам педагогики, ни тем более об обязательности их не могло быть и речи.

Не то у большевиков. У них «комплекс» стал обязательным на всей территории СССР, «долтон-план» насаждали в Бирюче и в Бугуруслане. Нужно только представить себе условия, в каких развертывались безответственные опыты Луначарского. Конечно, лучшие наши учителя ни в чем не уступали европейским и американским учителям. Но средний русский учитель, на плечи которого легла работа в «новой школе», интеллектуально был значительно ниже своего западного коллеги. Кроме того, он должен был применять американскую педагогику не в чистом ее виде, а с примесью марксистских нелепостей, которые лишали ее всякой ценности. Советская власть отнявшая у учителей всякий личный авторитет и профессионально не оградив их от произвола всяческих начальств. Наконец, не говоря уже о такой мелочи, как отсутствие наглядных пособий, (а от учителя требовали наглядности в обучении), об этих новейших методах он узнавал на разных «переделках»

да гнал коров, то затыкивал тонким бабьим голосом:

— Во селе Покровском случилась беда...

В раскрытые окна тянуло шиповником и сиренью. Утренний сон сладко смежил глаза и где-то далеко-далеко замирало мычанье коров и жалобный Митин голос, рассказывавший про нежданную деревенскую беду:

— ... Молодая дивчина сына родила...

Часам к восьми солнце начинало припекало. Проходил чиновник Казанский купаться с детьми. Они шли по скрипучим мосткам в купальню, где остро пахло речной тиной и на ступеньках уже сидел, поглаживая живот, инспектор духовного училища Родин. Чиновник купался долго, отфыркиваясь, растирая тело мохнатым полотенцем и делая гимнастику. За это время в купальню приходил казначей Павелко, учитель истории Рогов и старик Горизонтов. Рядом, из женской купальни, доносился визг — гувернантка помещика Подъяельского испуганно вскрикивала каждый раз, когда в воде плескалась рыба — ей казалось, что это мужчина.

Старик Горизонтов лез в воду не спеша, захватив мочалку и банное мыло и когда влезал, то голова и плечи оставались наружу. Он был высокого роста и туловище держал прямо, как колыбель. Разговаривал мало и когда его спрашивали о здоровье, то всегда хмурил брови и отводил глаза. Потом шли на берег и дети чиновника Казанского — два мальчика, растянув мокрую простыню, бежали под парусом вперед.

Там же, где жил Горизонтов, снимал квартиру соборный регент Смирнов. Он тоже жил один, у него в квартире было много икон и по субботам всегда горела лампадка. Иногда по вечерам он открывал окно и тогда за занавеской раздавалось, как в церкви:

— Го-осподи возвах к Тебе, услыши мя...

Говорили, что регент — богат и отдает деньги в рост. Он никого не пускал во двор и если к нему кто приходил, то разговаривал через окно, а во дворе у него была большая и злая собака Полкан. По воскресеньям и в субботу вечером он надевал черный сюртук, мылил волосы из лампадки и шел в церковь. Там он стоял выше всех певчих и каждого, кто входил, оглядывал так, словно ему пришли мешать и он не может петь, когда кругом стоят люди. Дрался он очень

больно — бил камнем по голове, или щипал за уши длинными костлявыми пальцами. Больше всех он не любил Горизонтова; про него он распускал нехорошие чухи, ругал и говорил, что его надо отлучить от церкви, как еретика и совратителя юношества. Некоторые ему верили, а другие ругали его самого, рассказывали, как он пустил по миру родную сестру с малыми детьми, и как он ссужает реалистов на папиросы и вино за большие проценты.

Может быть потому, что Горизонтов знал, что о нем говорили — в церковь он ходил редко, под большие праздники и утром к обедне. Там он становился всегда за свечным ящиком около иконы Всех Святых и, не дождавшись конца, уходил, стараясь незаметно протиснуться к дверям сквозь шуршащие шелком платья дам и мужские сюртуки, пахнущие табаком и нафталином.

Он любил ходить в лес и на кладбище, и его часто можно было встретить одного в пыльном балахоне и с зонтом, мерно шагающим по лесной аллее или сидящим у чьей-нибудь могилы. Когда кто-нибудь приближался, он вставал и уходил, и за это его многие называли лесным чортом и говорили, что его мучает совесть за то, что еще при жизни продал собственный скелет.

Умер он незадолго до революции и так как в Анатомическом музее он выговорил себе право быть похороненным в родном городе, его тело после препарации было привезено в дубовом гробу и положено в заранее купленную им для себя могилу...

А регент Смирнов пережил Горизонтова на четырнадцать лет. Я потом встретил его в Кеми, в лагерном бараке, он был дневальным и состоял в кружке безбожников. Ему было уже за шестьдесят, но он все высчитывал дни, сколько ему осталось сидеть и сколько скинут по зачету рабочих дней. В лагере он и умер

Я не знаю, кто из них больше верил в Бога, но судьба их кем-то была взвешена и определена: один лежит под крестом там, где он сам положил себе лежать, а другой — в неизвестной могиле, без гроба и отпевания; над одним шумят березы и поет иволга, а над другим — стонут чайки и плещет о камни холодное Белое море...

С. Климушин.

Порочный круг

Последние вести из советского Союза говорят о том, что в советских школах вводится раздельное обучение мальчиков и девочек. Это мероприятие почти завершает возврат большевиков к дореволюционным школьным порядкам. Нигде большевики не старались так усердно быть «долее здравого смысла», как в школьном деле, и плоды их усердия в этой области оказались столь горькими, что испугали самих экспериментаторов. Большевики, большие охотники пить из колодезь, в которые они предварительно долго и упорно плевали, принуждены теперь пить из русского педагогического колодезь, в который наплевано ими предостаточно...

Эта картина большевизма самосечения могла бы доставить бесстрастному наблюдателю известное удовлетворение. Но радоваться тут нечему. Никакого возрождения здоровой школы у большевиков не получается и получиться не может.

Началась советская педагогика с беслардонной ломки прошлого и упоения этой ломкой. Понстине погромная деятельность М. Н. Покровского в русских университетах нашла восторженно-умиленную оценку у Крупской: «Ломал здорово!»

Дело русского просвещения было отдано в руки Луначарского, величайшего фразера и позера, находившегося в рабской зависимости от модных теорий и дешевых эффектов. Шарлатанство и страсть к «потемкинским деревням» были его второй природой. Но, кроме шарлатанства, сильна была в нем и вздорная ребяческая вера в существование чудотворной педагогики, которую нужно только

найти и перенести в Россию, а там уже начнутся без всяких хлопот и труда чудеса просвещения. Такую педагогику он нашел в передовых американских педагогических течениях. Конечно, это была педагогика «буржуазная», но из этого делался лишь тот вывод, что ее нужно только дополнить принципом классово-борьбы, и если новейшая педагогика в своей буржуазной форме превосходна и поразительна, то в марксистском оформлении она непременно окажется чудом из чудес. «Свет просвещения воссияет из Москвы, которая превратится в Мекку для всего педагогического мира, европейского и американского!» — думал он. И все это в самый короткий срок.

Не много лет понадобилось для того, чтобы и следа не осталось от этих горделивых претензий. Вся затея кончилась позорнейшим провалом, и большевикам ничего не осталось другого, как приступить к ломке их неслучайного педагогического здания, воздвигнутого на удивление всему миру с такой помпой.

В этом крушении меньше всего была повинна та педагогика, которую марксисты взяли на абордаж, подобно тому, как пираты это делают с купеческим судном. Все эти сложные и тонкие приемы — и долтон-план, и метод проектов и даже пресловутый «комплекс» — сами по себе вовсе не были зловерны. Но Луначарский и его сподвижники очень уж нелепо распорядились с этим добром культурного человечества. Они уподобились негру, которого вывел Альфонс Додэ в своем «Тартарене из Тараскона». Негр этот съел сразу целую по-

от инструкторов, которые сами ничего в этом не понимали.

Взять, например, долтон-план. В руках его творца, мисс Эвелины Панкхерст, это — метод развития детской самостоятельности. Дети получают определенное задание. Чтобы его выполнить, они должны или основательно порыться в словарях, справочниках, рабочих книгах, или вооружиться картоном, ножницами, клеем, фанерой, пилой, линейкой и так далее. Выполняя школьные задания под пристальным наблюдением учителя, который должен проявить много остроумия и изобретательности, чтобы возбудить в учащихся самостоятельный интерес к делу, дети исподволь приучаются к методической работе, в них воспитывается инициатива, находчивость и прививаются навыки к самостоятельной деятельности. Какое это высокое, сложное, ответственное искусство! И в какую дикую карикатуру превратилось оно в советской школе! При полном отсутствии руководства со стороны учителя дети стали приучаться либо к механической зубрежке, либо к бездельничанью, верхоглядству и переливанию из пустого в порожнее.

Все эти новейшие методы, иногда сомнительные, иногда плодотворные лишь на американской почве, в советских условиях превратились в могучее орудие разрушения школы и распространения повального невежества. После того, как таким образом загублено было дело образования нескольких поколений, большевики, наконец, спохватились, поняв что дальше так идти не может. И они провели школьную реформу.

«Педагология» и «методы» были выброшены за борт. Восстановлены были в правах — учебный план, твердое расписание, оценка знаний учеников по пятибалльной системе. экзамены.

Сделаны были попытки ввести в школе кое-какую дисциплину. Много пустословия об авторитете учителя. Словом, началось равнение на плохонкую гимназию царского времени.

Но большевики не были бы большевиками, если бы свою школьную реформу не ослепили двумя отвратительными чертами. Во-первых, свой возврат к разбитому корыту они провозгласили невиданным мировым достижением, триумфом советской власти. Во-вторых, они стали искать виновных в развале школы. Петр Великий отменил один свой указ «понеже не осмотра и не подумавши учинен был». Но большевики считают себя непогрешимыми и не допускают мысли, что они способны учинить что-нибудь не подумавши. В школьном фоксусничестве повинны, оказывается, вовсе не они и не их законы, а какие-то левые загибщики. Под категорию «левых загибщиков» была подведена значительная часть старого педагогического персонала, и тысячи несчастных учителей поплатились расстрелом или ссылкой. Омыв свою реформу в человеческой крови, большевики стали самодовольно потирать руки и уверять, что теперь школьные дела пойдут у них превосходно.

Но это хвастовство не оправдывается ничем. До плохой царской гимназии большевизм школы еще очень далеко, как до звезды небесной. Ибо мало по-обезьянью копировать внешность министерской школы. Звонки, баллы, экзамены — это все вещи второстепенные. Нужна наука, а не ее марксистский ядовитый суррогат. Нужны делные и независимые учителя, а не трепещущие подальми коммунистического режима. Большевизм школы была и осталась «мерзостью запустения на месте святой».

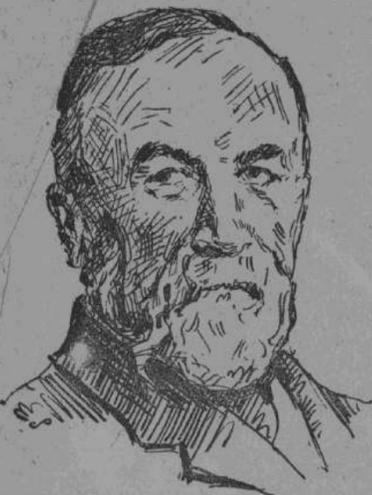
Т. Лютов.

В. Д. ПОЛЕНОВ

(К столетию со дня рождения)

Сто лет тому назад, в июне 1844 года, в семье русского посланника в Афинах, родился Василий Дмитриевич Поленов, ставший гордостью русской живописи и одним из популярнейших и любимейших наших художников.

Семья Поленовых была исключительно культурной и даровитой. Отец

В. Д. Поленов.

художника, будучи дипломатом, а впоследствии сенатором, одновременно занимал должность секретаря Археологического общества и был членом-корреспондентом Академии Наук. Мать художника страстно любила искусство и сама рисовала. Все это способствовало развитию дарования маленького Поленова, которого родители отдали уже в детстве в рисовальные классы при Академии Художеств. Это не помешало художнику получить гимназическое образование. Окончив гимназию в 1868 году, Поленов вернулся в Академию. Не оставив занятий в Академии, где он получил две серебряные медали за рисунки и этюды, художник поступает в университет, заканчивает университет, и Академию, где награждается золотой медалью за исполнение двух программ: «Иов и его друзья» и «Воскрешение дочери Иаира».

Медаль дает ему шестилетнюю стипендию для заграничной поездки. Художник посещает Венецию, Неаполь, Рим, Флоренцию, Париж. Вернувшись в Россию, получает звание академика.

Возникает русско-турецкая война. Поленов едет на Балканы добровольцем, пишет несколько картин из походно-боевой жизни. В 1882 году художник много и долго путешествует по Востоку: Константинополь, Афины, Архипелаг, Сирия, Палестина, Египет. Из своего путешествия художник привозит массу этюдов, результатом работы над которыми является его знаменитая картина «Христос и грешница».

Это — самое значительное произведение знаменитого художника. Известный знаток живописи Н. Мишеев говорит об этой картине: «Наиболее ценным является в популярной картине не психология и этнография, а ее чудесная живопись. Вглядитесь в этот очаровательный пейзаж, где идет драма. Сколько в нем спокойной красоты! Как он чужд всей трагедии мира! А разве вас не чарует колорит и свежесть красок? Вот почему вы не сосредотачиваете всецело своего внимания на облике поленовского Христа и очень скоро ловите себя на чувстве наслаждения поленовским пейзажем и красками последнего. Весьма понятно, что картины Поленова, где пейзаж только и занимает художника, является наиболее отвечающими его громадному дарованию».

Действительно, у Поленова пейзажист везде преобладает над жанристом, будет ли это жанр романтический («Право господина», «Арест графини д'Эрмон», «Болезнь»), либо религиозно-исторический («Христос и грешница», «На Генисаретском озере», «Вошли на Голгофу», «Мечты»). Поленов положил начало тому «интимному пейзажу», в котором он один из первых показал нам обаяние близкого, родного, овеянную тихой прелестью, теплотой и своеобразным романтизмом ушедших годов.

Таковыми являются его знаменитые картины — «Московский дворик» и «Бабушкин сад». Как различны обе картины по настроению и тону, как сходны по интимности пейзажа! В первой картине — нарождающаяся жизнь, в лице играющей на травке дворянки детворы, во второй — уходя-

щая жизнь, для которой — все в прошлом. Поленовский дворик может быть и не в Москве, но такой двор может быть только в России — немощенный, захолустный. Эта мурава с одуванчиками, дорожки, и тропинки, лошадка под дугой, колодец под красной крышей, покосившийся сарай, такой же покосившийся одноэтажный дом с садиком, и все это на фоне церкви, где «золотая дремлющая Азия опочила на куполах», на фоне синего летнего неба с легкими облачками. А «Бабушкин сад!» Можно долго-долго смотреть на эту картину — так много чувств и дум вызывает она, такое высокое настроение создает, а между тем, так мало в ней изображено: старый дворянский дом с колоннами, несколько пышных кустов и деревьев, старушка, вышедшая на прогулку со своей молодой спутницей. Но это немного — две женщины, дом, уголок сада — заключены в такое гармоническое целое, овеянное дыханием подлинной поэзии, что, глядя на картину, чувствуешь сливание с вечной красотой, с вечностью.

Много поработал Поленов для театра, как декоратор. Между прочим, для Мамонтовского театра в Москве им написан ряд превосходных декораций к операм «Русалка», «Фауст», «Жизнь за царя».

Скончался Поленов в 1927 году. Лучшие его картины находились в Русском музее в Петрограде («Христос и грешница») и в Третьяковской галерее в Москве («Бабушкин сад», «Московский дворик»). Судьба этих и других поленовских картин в настоящее время неизвестна.

С. Бисланов.

В. Д. Поленов. — Фрагмент картины. «ХРИСТОС И ГРЕШНИЦА».

Естественная наука на харьковском медицинском факультете

Полвека тому назад*)

Медицина является одной из отраслей естествознания, и предварительная подготовка студента в области естественных наук является необходимой предпосылкой выработки дальнейшего, умелого научно мыслить врача. В Харькове мы слышали большинство естественных наук вместе со студентами естественниками, и сокращенные для медиков курсы читались только по немногим, имеющим второстепенное значение предметам. Очень хорошо вел такой сокращенный курс ботаники Рейнгардт. Лаборатория его помещалась в ботаническом саду, а потому посещение его лекций было сопряжено с прогулкой по чудесному университетскому саду. Бесконечно длинная главная аллея его оканчивалась живописным обрывом, на краю которого стояла беседка. В ней летними вечерами ежедневно пел мелодичный малороссийский хор студентов любителей, и

эти импровизированные концерты дунными южными ночами носили очень поэтический характер. Под этим-то обрывом и начинался ботанический сад. Из других профессоров естествознания запомнились мне прежде всего физик Шимков, впоследствии директор сельскохозяйственной академии в Петровско-Разумовском под Москвой, и двое химиков — Осипов и Тимофеев. Все трое вели свои курсы очень хорошо. Осипов обставлял лекции неорганической химии большим количеством опытов и любил заканчивать их взрывом, за которым неизменно следовал гром студенческих аплодисментов. Шимков, наоборот, за эффектами не гонялся. Это был физик с уклоном в математику, который считал, что физические законы проще и вернее устанавливать выводом формул, нежели постановкой хлопотливых опытов. И его большой учебник, благодаря обилию математических формул, был для нас медиков совершенно недоступен. Читал он

одновременно студентам физико-математического факультета и медикам.

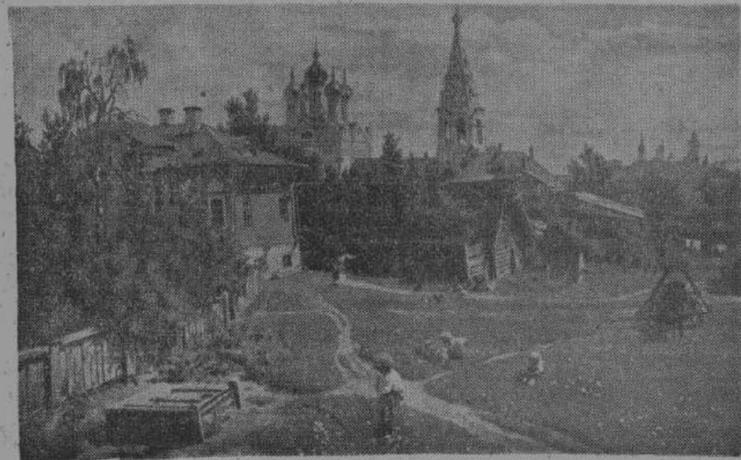
Весьма колоритной фигурой был профессор фармакологии и фармакогнозии Чириков, вероятно единственный русский профессор, не имевший не только университетского, но и гимназического диплома, ибо вышел он из аптекарей, образование которых было поставлено следующим образом. Всякий, имеющий свидетельство об окончании четырех классов гимназии и пробывший определенное число лет аптекарским учеником, допускался к слушанию при университете особого курса лекций для подготовки к экзамену на звание помощника провизора. Пробыв в аптеке определенное число лет помощником провизора, он допускался к экзамену на звание провизора, дающее право на самостоятельное заведывание аптекой. А провизор допускался по выдержанию соответствующего экзамена к защите диссертации на ученую степень магистра фармации. Таким магистром и был Чириков. Имея, как обладатель ученой степени все права на кафедру, он тем не менее до конца дней чувствовал себя аптекарем и, в качестве такового, относился к врачам, как к существам высшего порядка. Предмет Чирикова (изучение лекарственных веществ в необработанном виде и описание различных аптекарских процедур при приготовлении лекарств) был для медиков излишним балластом. Читался он главным образом для фармацевтов, но медики обязаны были его прослушать и сдать экзамен. Чириков, с тех времен, когда он еще аптекарским учеником, слушал университетские лекции вместе со студентами, усвоил себе сознание превосходства последних над собою и видимо не мог отделаться от этого ощущения даже на кафедре, выслушивая во время экзаменов невежественные студенческие ответы. Пропускал он всех подряд и время от времени вздыхал над тяжелой аптекарской долей.

— На сколько времени можно прописать эмульсию? — спросил он моего приятеля.

— На неделю.

— Вот, Бог даст получите диплом, пропишите эмульсию на неделю, и она у вас прокишет... А нас, аптекарей, ругать будут—

*) См. № 141.

В. Д. Поленов — «МОСКОВСКИЙ ДВОРИК».

В. Д. Поленов — «БАБУШКИН САД».

Система мироздания у древних греков

Беседа по астрономии

В предыдущей беседе было упомянуто, что греческие астрономы для объяснения видимых движений небесных светил создали последовательно три системы мироздания.

Творцом первой системы, системы концентрических сфер, был крупный астроном Евдокс (408—355 г.г. до Р. Х.), ученик Платона. Он поместил Солнце, Луну и планеты на хрустальные сферы, предоставив каждому на этих светил свою особую сферу; все же неподвижные звезды были помещены в одну общую сферу. Центром всех этих сфер является Земля. Все эти сферы вращаются вокруг Земли и уносят вокруг последней находящиеся на них светила. Для объяснения же указанных в предыдущей беседе неправильностей в движении светил, именно, неравномерности движений (так называемое, первое неравенство в движении планет) и изменения направления движения, в силу чего планета движется сначала с запада на восток, потом как бы останавливается, завязывает петлю и продолжает свое движение, но уже с востока на запад (второе неравенство в движении планет), Евдоксу пришлось каждому светилу дать не по одной, а по несколько сфер, оси которых наклонены друг к другу под различными углами и которые вращаются вокруг общего центра с различными скоростями, и при том, в различных направлениях. К оси первой наружной вращающейся сферы прикреплена под некоторым углом ось второй сферы, концы которой опираются на поверхность первой сферы; ось третьей сферы имеет точки опоры на второй сфере и так далее. Светило находится на внутренней сфере, и из совокупности равномерных вращательных движений всех этих сфер в различных направлениях и с различными скоростями и создается видимое движение светила. Для объяснения всех наблюдаемых движений всех небесных светил Евдоксу пришлось установить двадцать шесть сфер: для Солнца и для Луны по три сферы, а для каждой из пяти известных в те времена планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн) по четыре.

Дальнейшие, более точные наблюдения потребовали для объяснения новых полученных результатов усложнения этой системы: число сфер стало все возрастать и достигло, наконец, сорока пяти.

При своем движении эти сферы, как некоторые полагают в то время, касаясь одна другой, производили приятный для человеческого слуха звук, так называемую, небесную гармонию. И в настоящее время существует, как отзвук этой теории, выражение «музыка сфер».

Но чрезвычайная сложность этой системы бросалась в глаза даже древним астрономам, и она сравнительно скоро была оставлена и заменена другими, сначала системой эксцентрических кругов, а затем системой эпициклов.

Творцом системы эксцентрических кругов был, упомянутый уже в предыдущей беседе, знаменитый греческий астроном Гиппарх (второй век до Р. Х.). Он отбросил сферы Евдокса и предположил, что Солнце, Луна и все планеты движутся вокруг Земли равномерно и по круговым орбитам, но что Земля находится не в центре всех этих орбит, а несколько смещена в сторону, почему круговые орбиты и назовали эксцентрическими. Этим он достиг довольно удовлетворительного объяснения того, что Солнце, Луна и планеты перемещаются среди звезд не всегда с одной и той же скоростью, а также не всегда бывают на одном и том же расстоянии от Земли; неправильностей же в направлениях движения планет объяснить ему своей теорией не удалось, что и было замечено им же самим. Однако, новых попыток создать иную систему он не сделал, и эта теория также просуществовала сравнительно недолго и уступила место во втором веке по Р. Х. новой теории, именно, теории эпициклов, творцом которой был также знаменитый греческий геометр и астроном Клавдий Птолемей (70—147 г.г. по Р. Х.). Изложение системы Птолемея будет посвящена следующая беседа.

Доцент А. Пирожков.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. МЕЛЬСКИЙ

„У истоков великой ненависти“

(Очерки по еврейскому вопросу)

Книга А. Мельского, бесспорно, является одним из лучших трудов по еврейскому вопросу, вышедших в последнее время. Увлекательное изложение, обилие весьма ценных ссылок и цитат, свидетельствующих об исключительной эрудиции автора, обоснованность и логичность выводов, живой популярный язык, — все делает труд Мельского незаменимым руководством для интересующихся ролью еврейства как в России, так и во всем мире. Но не только интересующемуся этой проблемой рекомендуется прочесть книгу Мельского — с ней должен познакомиться каждый русский.

Достаточно прочитать оглавление, чтобы увидеть, насколько интересна и содержательна книга Мельского. «Является ли антисемитизм признаком некультурности?» — так озаглавлено предисловие к труду Мельского. Автор отвечает на этот вопрос отрицательно и приводит уничтожающую оценку евреев, данную такими замечательными людьми, как римский философ Сенека, римский историк Тацит, Магомет, Эразм - Роттердамский, Мартин Лютер, Джордано Бруно, Мария Терезия Австрийская, Вольтер, Петр Великий, Наполеон, Достоевский и известный французский историк и философ Эрнест Ренан, заявивший, что «антисемитизм всегда был отличительным признаком просвещенных умов».

В первой части: «Лик иудаизма» говорится о духовных и психологических чертах древнего Израиля, о религиозно-бытовом содержании иудаизма и о национально-религиозных праздниках иудеев — Пасхе и Пуриме. Вторая часть рассказывает о стремлении еврейства захватить власть во всем мире. Евреи среди «гоев», еврейское засилье в современном мире, евреи и масонство, марксизм и еврейство — таково содержание глав этой части. Наконец, третья часть посвящена нынешней войне и подготовке к ней. Здесь приводится много данных, совершенно неизвестных широкой общественности и проливающих свет на причины возникновения нового мирового пожара. Особенно интересна цитата из еврейской газеты «Евиш Кроникль» от 3-го марта 1939 года: «Евреи не допустят мира, как бы к нему ни стремились государственные люди и пацифисты».

Книга отпечатана четким шрифтом и снабжена иллюстрациями. Она заслуживает того, чтобы ее переиздать в высоком тираже, который позволит каждому русскому, проживающему за пределами советского Союза, иметь ее в качестве настольной книги.

Профессор С. С. Абдамов.

С. Любичий.